

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР СО СТРАНАМИ СЭВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

А. А Попов

Южно-уральский государственный университет, Челябинск, Россия. aapopov@susu.ac.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-10070)

В статье рассматривается роль торговли и товарных поставок в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в развитии экономических отношений СССР и европейских социалистических стран. Основное внимание уделяется практике товарооборота в различных формах экономического сотрудничества между странами СЭВ во второй половине 1950-х гг. Сделан вывод о том, что товарные поставки были одним из инструментов стабилизации экономических отношений внутри организации. На экономические отношения между странами в этот период прямо влияли острый дефицит ресурсов и капиталов и слабость национальных валютных систем. Эти факторы с одной стороны стимулировали сотрудничество государств, а с другой – ограничивали возможные формы взаимодействия. На примере, планирования взаимных поставок, совместных проектов долевого участия и финансовых операций показано как товарные поставки применялись для решения экономических вопросов.

Ключевые слова: *Совет экономической взаимопомощи, СЭВ, внешняя торговля СССР, международные экономические отношения, социалистическая интеграция.*

Влияние экономической сферы длительное время недооценивалось при анализе системы международных отношений СССР. Это происходило по ряду причин. Во-первых, до недавнего времени оставались недоступными важнейшие архивные документы по международным экономическим отношениям СССР. Во-вторых, экономическая подоплека при обсуждении международных дел высшим советским руководством крайне редко проговаривалась, при том, что она четко фиксировалась на уровне профильных ведомств и учреждений. В-третьих, длительное время существовал стереотип о стремлении советской экономики к автономии и даже автаркии, что предполагало слабую связь между экономической и внешнеполитической сферами.

В последнее десятилетие произошел существенный сдвиг в изучении международных отношений СССР в сторону более пристального изучения их экономических аспектов. Появилась целая серия исследований, посвященных влиянию экономической ситуации в 1970-е гг. на ход «разрядки» и хельсинкского процесса. Заметная дискуссия развернулась вокруг проблемы взаимовлияния энергетического кризиса (и роста цен на энергоносители) и активизацию диалога СССР и западноевропейских стран [Kansikas: 2014; Romano: 2013; Yamamoto: 2007].

Расширение круга привлекаемых источников и хронологических рамок исследования в рамках данного направления позволило поднять вопрос о

более тесной связи СССР и мировой экономики, а, следовательно, и переоценке роли экономических аспектов в принятии внешнеполитических решений [Kansikas: 2017; Mueller: 2009]. В своей монографии «Советский Союз и интеграционные процессы в Европе» ведущий научный сотрудник, директор ИВИ РАН д.и.н. М. И. Липкин на основе широкого круга архивных источников доказал, что советское руководство не просто не игнорировало «общеевропейские» дела, но пыталось играть в них активную роль. И делало это не в последнюю очередь потому, что было заинтересовано в расширении своих экономических связей [Липкин: 2016, С. 430].

Непосредственно анализу торгово-экономической политики Советского Союза была посвящена монография «Red globalization» профессора Университета Макао О. Санчеса-Сибони. Автор подверг пересмотру, в некоторых случаях слишком радикальному, многие «общие места» западной советологии. Однако в свете последних открытий, отдельные предположения, высказанные Санчесом-Сибони, уже не выглядят безосновательными. Так, он поставил под сомнение экономическую автаркию советской экономики на всех этапах существования СССР. И если утверждение о стремлении советского руководства в 1930-х–40-х гг. на мировые рынки и «рыночном оптимизме» Сталина выглядит довольно спорным, то анализ зависимости между политические и экономическими решениями выявленные

для периода 1950-х–60-х гг. вполне убедителен [Sanchez-Sibony: 2014, С.68]. В частности, автор показал, как нехватка валюты (фунтов стерлинга) для нужд советской торговли с Великобританией привела к росту советско-египетской торговли [Sanchez-Sibony: 2014, С. 76]. Впрочем, Санчес-Сибони вообще не рассматривал проблему торговых отношений Советского Союза и стран-членов СЭВ.

Экономические отношения внутри социалистического лагеря в западной советологии изучались с начала активной деятельности Совета Экономической Взаимопомощи с середины 1950-х гг. Преобладал экономический и эконометрический анализ, некоторые результаты которого остаются актуальными [См. например: Marrese, Vanious; Pelzman]. Тем не менее в большинстве случаев результаты анализа на сегодняшний день требуют серьезных уточнений, поскольку западные исследователи вынуждены были работать с фрагментарными статистическими данными и не имели доступа к материалам по принятию экономических решений внутри СЭВ. Впрочем, даже самые выдающиеся советские экономисты, анализируя экономику СЭВ в плане полноты статистики и представления о мотивах принятия решений внутри организации, часто оказывались в сходной ситуации.

После распада СЭВ появилась возможность заглянуть в «кухню» организации. Наиболее заметной работой этого плана стала монография Рэндала Стоуна «Commissars and Sattelites» (1996), основанная на серии интервью с восточноевропейскими чиновниками и плановиками периода социализма. Из данной работы стало, например, окончательно ясно, что власти некоторых страны-члены СЭВ целенаправленно продавали в СССР те товары, на которые были искусственно завышены цены [Stone: 1996, С. 239].

В 2000е гг. были открыты многие национальные фонды, связанные с работой организации [К 60-летию Совета: 2009, С. 69], что позволило исследователям из стран Восточной Европы и России более детально рассмотреть, как механизмы функционирования организации [Libbey: 2010], так и особенности взаимодействия с органами СЭВ Польши [Jarzabek: 2014; Skobelski: 2007], Румынии [Dragomir: 2011], СССР [Липкин: 2017; Орлик: 2013; Попов: 2016], Чехословакии [Karlas J., Kratochvil: 2004].

В целом, полученные на данный момент научные результаты, позволяют, как минимум, существенно уточнить многие устоявшиеся подходы к восприятию экономических отношений внутри

СЭВ. В рамках данного исследования на основе архивных материалов анализируется роль торговли в системе экономических отношений СССР и стран СЭВ. Хронологические рамки ограничены периодом 1955-1960-х гг., когда шли процессы формирования механизмов и институтов организации. С момента создания в 1949 г. и вплоть до смерти И. В. Сталина в 1953 г. СЭВ фактически не функционировал, не имея ни устава, ни четкой структуры организации [Широков: 2005, С. 44], а в последующие годы работу организации определяли уже относительно устоявшиеся институты интеграции.

В странах СЭВ в рассматриваемый период существовал целый комплекс экономических проблем, которые оказывали влияние и на принятие политических решений. В середине 1950-х гг. наиболее значительными были проблемы торговых и энергетических балансов стран. И Западная, и Восточная Европа после Второй мировой войны остро нуждались в энергоресурсах, при том, что существовавшая система торговых отношений была разрушена. Внутри СЭВ был предложен механизм взаимных поставок важнейших ресурсов, но он плохо функционировал, поскольку не все страны обладали ценными для обмена товарами или твердой валютой, или не желали их предлагать для обмена. Нарушение торговых балансов и дефицит энергии оказывали существенное влияние как на отношение стран СЭВ друг с другом, так и на их взаимодействие с европейскими капиталистическими странами.

Торговые отношения внутри СЭВ определялись многолетними двусторонними соглашениями о взаимных поставках товаров. Торговля велась в национальных валютах, которые не были полностью конвертируемы, что значительно ограничивало возможность использования запасов этих валют для торговли с третьими странами. В этих условиях странам СЭВ было необходимо планировать взаимные поставки таким образом, чтобы двусторонняя торговля была максимально сбалансированной, то есть чтобы стоимость экспорта и импорта были близки по значениям. При этом страны не были готовы принимать в качестве импорта любые товары от торговых партнеров по блоку. Существовало разделение на товары «первостепенного народнохозяйственного значения» и товары «вспомогательного значения»¹. Как показывают архивные материалы, в формировании соглашений о взаимных поставках основной упор делался именно на первой категории.

В торговле с капиталистическими странами,

¹РГАЭ. Ф. 561 Оп. 17. Д. 3. Л. 13.

страны СЭВ были вынуждены также строго сохранять баланс торговли, поскольку, как правило, у них не было иного способа получения валюты для импорта западных товаров, кроме как за счет экспорта. В случае дефицита торгового баланса возможности взять валюту в кредит на Западе были очень ограничены или же отсутствовали вовсе. Хотя предпринимались попытки в конце 1950-х гг. осуществлять торговлю с европейскими капиталистическими странами на кредитной основе¹, они не получили широкого распространения. Фактически это вынуждало страны СЭВ рассматривать торговлю с капиталистическими странами как «внешний», не поддающийся изменению фактор², который прямо влиял и на объемы поставок внутри блока. При этом для торговли с западными странами были пригодны только определенные виды восточноевропейских товаров (в большинстве своем сырьевых), которые относились к товарам «первостепенного значения». Поэтому часто поставки в страны Западной Европы осуществлялись в ущерб торговле с социалистическими странами. Подобная ситуация наблюдалась, например, в 1956 г., когда польское руководство приняло решение продать часть предназначенных для стран СЭВ объемов энергетического угля за твердую валюту европейским капиталистическим странам³. В некоторых случаях одни страны-члены СЭВ вынуждены были покупать товары других стран-членов СЭВ за валюту у западноевропейских посредников. На подобную ситуацию указывали в 1958 г. представители Болгарии в СЭВ⁴.

Названные ограничения тормозили развитие торговли внутри СЭВ и заметно осложняли отношения между странами. Судя по материалам переговоров делегаций планирующих органов стран, входящими в СЭВ, с руководством Госплана СССР балансирование двусторонних торговых поставок было острой и сложной проблемой. Даже подготовка списка товаров, подлежащих поставкам в рамках двусторонних соглашений, уже вызывала затруднения. Страны стремились включить в соглашения товары с высокой добавленной стоимостью (оборудование, гражданскую и военную технику), которые либо были неконкурентоспособны на капиталистических рынках, либо не могли быть на них представлены по политическим или иным причинам. При этом экспортеры старались ограни-

чить поставки сырья, а импортеры – поставки товаров «вспомогательного значения» и военной техники. В ходе согласования советско-польских поставок, руководитель польской делегации, например, поставил вопрос об отказе от закупок советской техники, предложив импортировать из СССР вместо нее дефицитные виды ресурсов⁵. Сходная ситуация возникла во время обсуждения советско-чехословацкого торгового соглашения, когда уже представители Советского Союза отказались принимать к поставкам чехословацкую авиационную технику, ссылаясь на то, что она устарела. В результате этого отказа возникла угроза серьезного дефицита торгового баланса для Чехословакии. Советская делегация всерьез рассматривала возможность значительного расширения импорта потребительских товаров (включая даже пиво) из Чехословакии⁶, но в итоге согласилась на импорт самолетов⁷. И подобные ситуации были типичными в практике разработки двусторонних торговых соглашений в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Вероятно, необходимость балансирования торговли внутри СЭВ влияла и на ценообразование. Страны с профицитом торгового баланса могли занижать цену своей продукции относительно мировых цен, а страны с дефицитом – завышать. Естественно, это не было ни единственным, ни даже главным фактором различий цен торговли внутри СЭВ и на мировых рынках, но его влияние нуждается в специальном исследовании.

Низкая конвертируемость валют вместе с доминирующими капиталами на внутренних рынках негативно сказывались и на взаимных инвестициях стран СЭВ. Участие в совместных проектах сводилось либо к строительству каждой страной на своей территории объектов общей инфраструктуры (как в случае с нефтепроводом «Дружба», или энергосистемой «Мир»), либо к кредитованию строительства на чужой территории. В последнем случае кредиты выдавались товарами, оборудованием или технологической помощью, а возмещались продукцией того предприятия, на строительство или модернизацию которого шли ресурсы⁸. К дополнительным поставкам товаров сводились и кредиты, предоставляемые странами друг другу на общие цели или в рамках социалистической помощи⁹.

⁵РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 225. Л. 87.

⁶РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 111. Л. 32–33.

⁷РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 224. Л. 42.

⁸РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15. Д. 45. Л. 55об.

⁹См. например: Записка А.И. Микояна в связи с подготовкой переговоров о взаимных поставках товаров между СССР и

¹РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 224. Л. 75.

²РГАЭ. Ф. 561. Оп. 28. Д. 27. Л. 133.

³РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

⁴РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 12. Л. 17–20.

Более того, даже в сугубо финансовых операциях двустороннего или многостороннего клиринга взаимные расчеты часто осуществлялись товарными поставками на сумму задолженности. Товары «первостепенного значения» в конце 1950-х гг. использовались в основном для погашения клиринговых задолженностей по счетам двусторонней торговли, тормозя при этом переход к более широкому внедрению многосторонних расчетов¹. И такое положение дел сохранялось вплоть до введения единой для стран СЭВ расчетной валюты – переводного рубля в 1961 г.

Приведенные факты, впрочем, не означают, что все экономические отношения между странами СЭВ сводились лишь к торговым поставкам, но они свидетельствуют о существовании ограничений международных отношениях социалистических стран во второй половине 1950-х гг. Эти ограничения были обусловлены слабой конвертируемостью валют, дефицитом товаров пригодных для обмена на фоне общего дефицита сырья для тяжелой промышленности. Дефицит ресурсов, в особенности электроэнергии, вынуждал искать способы кооперации с соседними странами, в том числе и с западноевропейскими. А поскольку на отношения с капиталистическими странами действовали те же факторы, неудивительно, что формы взаимодействия были схожими. Так, в 1958 г. Госплан СССР рассматривал вариант совместного с Норвегией строительства Борисоглебской ГЭС в течении реки Паатсо-Йоки, но отказался от него из-за нехватки валюты

ВНР в 1957 г. и оказании Венгрии экономической помощи // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т.2: Постановления. 1954–1958. М.: РОССПЭН, 2006. С. 587–588.

¹РГАЭ. Ф. 561 Оп. 17. Д. 3. Л. 13.

для оплаты продукции норвежских заводов². С другой стороны, с середины 1950-х гг. японские фирмы начали инвестировать разработку угольных и нефтяных месторождений на Дальнем Востоке СССР [Sanchez-Sibony: 2014, С. 103–104] в счет будущих поставок сырья, что вполне устраивало обе стороны.

Таким образом, современные подходы к исследованию истории СЭВ и доступные архивные материалы позволяют по-новому интерпретировать экономическое взаимодействие Советского Союза и европейских стран СЭВ (и отчасти европейских капиталистических стран) во второй половине 1950-х гг. как процесс в значительной мере вынужденного сотрудничества, жестко ограниченного экономическими факторами. Товарообмен и товарные поставки между странами СЭВ в рассматриваемый период были базовыми элементами экономического взаимодействия, поскольку могли хотя бы отчасти гарантировать стабильность экономических отношений в условиях слабых валютных систем, отсутствия опыта и взаимного доверия при проведении валютно-финансовых операций. Экономические проблемы середины 1950-х гг. стимулировали расширение сотрудничества между восточноевропейскими странами, но в то же самое время налагали существенные ограничения на применение конкретных форм сотрудничества. Широкое использование товарных форм инвестирования, кредитования, клиринга было продиктовано особенностями экономической ситуации, для преодоления которой требовались и внутренние реформы, и серьезные изменения в мировой экономической системе.

²РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 225. Л. 72.

Список литературы

1. К 60-летию Совета экономической взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. М.: ИЭ РАН, РГАЭ, 2009. 267 с.
2. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.
3. Липкин М. А. «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. № 4 (54). 2017. С. 121–144.
4. Орлик И. И. Восточная Европа и Евросоюз // Новая и новейшая история. № 5. 2013. С. 3–19.
5. Попов А. А. «Наш ответ» Европейскому объединению угля и стали: попытки кооперации стран СЭВ в сфере добычи угля и железной руды (1950-е годы) // Новый исторический вестник. № 3 (49). 2016. С. 126–139.
6. Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М: ИНИОН РАН РФ, 2005. 155 с.
7. Dragomir E. The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement // Journal of Cold War Studies, Vol. 14. Is. 1. 2011. Pp. 34–47.

8. Jarzabek W. Polish economic policy at the time of détente, 1966-78 // *European Review of History*. Vol. 21. № 2. 2014. Pp. 293–309.
9. Kansikas S. Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3 // *European Review of History*. Vol. 21. № 2. 2014. Pp. 311–328.
10. Kansikas S. Calculating the Burden of empire: Soviet oil, East-West trade, and the End of the Socialist Bloc // *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas* / Ed. J. Perović. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 345–370.
11. Karlas J., Kratochvil P. Czechoslovakia/the Czech Republic and European Integration: During and After the Cold War // *East European Quarterly*. Vol. 10. № 2. 2004. Pp. 25–42.
12. Libbey J. K. CoCom, Comecon, and the Economic Cold War // *Russian History*. Vol. 37. № 2. 2010. Pp. 133–152.
13. Marrese M., Vanious J. *Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: A Soviet Perspective*. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1983. 254 p.
14. Mueller W. The Soviet Union and Early West Integration, 1947-1957: From the Brussels Treaty to the ECSC and the EEC // *Journal of European Integration History*. Vol. 15. № 2. 2009. Pp. 67–86.
15. Pelzman J. Economic determinants of Soviet foreign trade with Eastern Europe // *European Economic Review*, Vol. 14. 1980. Pp. 45–59.
16. Romano A. Untying Cold War Knots: The EEC and Eastern Europe in the Long 1970s // *Cold War History*. № 1. 2013. Pp. 1–21.
17. Sanchez-Sibony O. *Red globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Krushchev*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. 294 p.
18. Skobelski R. RPL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956-1970 // *Kwartalnik Historyczny, Rocznik CXIV*. № 3. 2007. Pp. 49–90.
19. Stone R. *Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1996. 283 p.
20. Yamamoto T. Détente or Integration? EC Response to Soviet Policy Change towards the Common Market, 1970-1975 // *Cold War History*. № 7. 2007. Pp. 75–94.

Сведения об авторе

Попов Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Южно-уральского государственного университета. Челябинск, Россия.

aapopov@susu.ac.ru

Magistra Vitae.

2018. No 1. P. 79–84.

TRADE AND ECONOMIC RELATIONS OF THE USSR WITH THE CMEA-COUNTRIES IN THE SECOND HALF OF THE 1950s

A. A. Popov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. aapopov@susu.ac.ru

The article examines the role of trade and commodity supplies within the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in the development of economic relations between the USSR and the European socialist countries. Mainly it pays attention to the trade in various forms of economic cooperation between the CMEA countries in the second half of the 1950s. It concludes that commodity deliveries were one of the tools for stabilizing economic relations within the organization. Economic relations among the countries during that period were directly affected by the acute shortage of resources and capital as well as the weakness of national currency systems. These factors, on the one hand, stimulated the cooperation of states, and, on the other hand, limited the possible forms of interaction. The example of mutual supply planning, joint equity projects and financial transactions help the author show how commodity deliveries were used to solve economic issues.

Keywords: *the Council for Mutual Economic Assistance, CMEA, the USSR's foreign trade, international economic relations, socialist integration.*

References

1. *K 60-letiju Soveta jekonomicheskoy vzaimopomoshhi. Edinaja Evropa: proshloe i nastojashhee jekonomicheskoy integracii* (2009) [=To the 60th anniversary of the Council for Mutual Economic Assistance. United Europe: past and present of economic integration]. Moscow, IJe RAN, RGAJe, 267 p. (in Russ.).
2. Lipkin M. A. (2016) *Sovetskij Sojuz i integracionnye processy v Evrope: seredina 1940-h – konec 1960-h godov* [=The Soviet Union and the integration processes in Europe: the mid-1940s - the late 1960s]. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 560 p. (in Russ.).
3. Lipkin M. A. (2017) «Mirovoj kooperativ narodov»: Sovet Jekonomicheskoy Vzaimopomoshhi, koto-ryj pytalsja postroit' N.S. Hrushhev [=The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build], in: *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Herald]. No. 4 (54), pp. 121–144 (in Russ.).
4. Orlik I. I. (2013) Vostochnaja Evropa i Evrosojuz [=Eastern Europe and European Union], in: *Novaja i novejšhaja istorija* [New and Contemporary History]. No. 5, pp. 3–19 (in Russ.).
5. Popov A. A. (2016) «Nash otvet» Evropejskomu ob'edineniju uglja i stali: popytki kooperacii stran SJeV v sfere dobychi uglja i zheleznoj rudy (1950-e gody) [=“Our Response” to the European Coal and Steel Community: Cooperation Efforts of the CMEA Countries in the Sphere of Coal and Iron Ore Mining (1950s)], in: *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Herald], No. 3 (49), pp. 126–139 (in Russ.).
6. Shirokov O. N. (2005) *SJeV v mirovoj jekonomike: sovremennaja ocenka problemy funkcionirovanija i znachenija. Voprosy istorii, metodologii i istoriografii* [=CMEA in the world economy: a modern assessment of the problem of functioning and significance. Questions of history, methodology and historiography]. Moscow, INION RAN RF, 155 p. (in Russ.).
7. Dragomir E. (2011) The Formation of the Soviet Bloc’s Council for Mutual Economic Assistance: Romania’s Involvement, in: *Journal of Cold War Studies*. Vol. 14, Issue 1, pp. 34–47.
8. Jarzabek W. (2014) Polish economic policy at the time of détente, 1966-78, in: *European Review of History*. Vol. 21, No. 2, pp. 293–309.
9. Kansikas S. (2014) Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3, in: *European Review of History*. Vol. 21, No. 2, pp. 311–328.
10. Kansikas S. (2017) Calculating the Burden of empire: Soviet oil, East-West trade, and the End of the Socialist Bloc, in: *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 345–370.
11. Karlas J. and Kratochvil P. (2004) Czechoslovakia/the Czech Republic and European Integration: During and After the Cold War, in: *East European Quarterly*. Vol. 10, No. 2, pp. 25–42.
12. Libbey J. K. (2010) CoCom, Comecon, and the Economic Cold War, in: *Russian History*. Vol. 37, no. 2, pp. 133–152.
13. Marrese M. and Vanious J. (1983) *Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: A Soviet Perspective*. Berkeley, Univ. of Calif. Press, 254 p.
14. Mueller W. (2009) The Soviet Union and Early West Integration, 1947-1957: From the Brussels Treaty to the ECSC and the EEC, in: *Journal of European Integration History*. Vol. 15, No. 2, pp. 67–86.
15. Pelzman J. (1980) Economic determinants of Soviet foreign trade with Eastern Europe, in: *European Economic Review*. Vol. 14, pp. 45–59.
16. Romano A. (2013) Untying Cold War Knots: The EEC and Eastern Europe in the Long 1970s, in: *Cold War History*. No. 1, pp. 1–21.
17. Sanchez-Sibony O. (2014) *Red globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Krushchev*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 294 p.
18. Skobelski R. (2007) RPL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956-1970 [=RPL in the Council for Mutual Economic Assistance in the 1956-1970], in: *Kwartalnik Historyczny, Rocznik CXIV*. No. 3, pp. 49–90 (in Polish).
19. Stone R. (1996) *Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade*. Princeton, Princeton Univ. Press, 283 p.
20. Yamamoto T. (2007) Détente or Integration? EC Response to Soviet Policy Change towards the Common Market, 1970–1975, in: *Cold War History*. No. 7, pp. 75–94.